

Изъ книги “Воды многія”

*Господь надъ водами многими.
Псалмы.*

20 февраля, Индійскій Океанъ.

Легкій, веселый день, вѣтеръ.

Въ полдень встрѣча : далеко вдали, въ крупной и блестящей волнѣ, плавно и мягко ныряющая барка. Капитанъ сказалъ, что это арабы изъ Персидскаго залива : путешествуютъ по древнему, совершаютъ въ такихъ утлыхъ ладьяхъ огромные переходы, въ дорогу съ собой беря только рисъ и прѣсную воду. И мысль объ этихъ арабахъ восхитила : люди иныхъ, далекихъ и блаженныхъ въ своей бѣдной простотѣ временъ, люди изъ древней исторіи, къ нашему великому счастью еще существующіе на землѣ!

Долго ходилъ по палубѣ съ необыкновенной легкостью, наслаждаясь бьющимъ въ лицо вѣтромъ. Потомъ рѣшительно пошелъ въ каюту, развязалъ набитый книгами чемоданъ, который мы съ ненавистью таскали всю зиму по отелямъ въ Египтѣ, и торопливо сталъ отбирать прочитанное и не стоящее чтенія. А отобравъ, сталъ бросать за бортъ и съ большимъ облегченіемъ смотрѣть, какъ развернувшаяся на лету книга плашмя падаетъ на волну, качается, мокнетъ и уносится назадъ, въ океанъ — на вѣки. Думала-ли она, въ свое время мирно лежавшая въ орловской деревнѣ, побывать въ Каирѣ, у пороговъ Нила, въ Красномъ морѣ, а потомъ кончить свои дни въ Индійскомъ Океанѣ! Поразительна полная неизвѣстность и случайность всякой земной судьбы. Развѣ я, напри-

мѣрь, могу быть увѣренъ, что увижу Цейлонъ, возвращусь въ Россію? Можетъ быть, завтра, послѣ завтра сбросятъ мое тѣло вотъ въ эти же самыя волны . . . И вообще, съ немалымъ основаніемъ преслѣдуютъ меня всю жизнь подобныя мысли. Я именно изъ тѣхъ, которые, видя колыбель, не могутъ не вспомнить о могилѣ. Поминутно думаю : что за странная и страшная вещь наше существованіе — каждую секунду висить на волоскѣ! Вотъ я живъ, здоровъ, радостенъ, а кто знаетъ, что будетъ черезъ секунду съ моимъ сердцемъ, которое, какъ и всякое человѣческое сердце, есть нѣчто такое, чему нѣтъ равнаго во всемъ твореніи по таинственности и непрочности, тонкости? И на такомъ же волоскѣ виситъ и мое счастье, спокойствіе, то есть жизнь, здоровье всѣхъ тѣхъ, кого я люблю, кѣмъ я дорожу гораздо даже больше, чѣмъ самимъ собою . . . За что и зачѣмъ все это?

Выбросивъ нѣсколько книгъ и успокоившись, будто сдѣлалъ что-то очень нужное, послѣ чего все должно пойти гораздо лучше, лежалъ въ креслѣ на палубѣ, глядя въ пустой просторъ этихъ «водъ многихъ», со всѣхъ сторонъ безотвѣтно объемлющихъ насъ, все съ тѣмъ же вопросомъ въ душѣ : за что и зачѣмъ? — и въ этой самой Божьей безотвѣтности, — непостижимой, но никакъ не могущей быть безъ смысла, — обрѣтая какую-то святую беззаботность. Прошелъ капитанъ и, такъ какъ на кофѣняхъ у меня лежало « На водѣ » Молассана, я спросилъ его, знаетъ-ли онъ эту книгу и нравится-ли она ему.

— О, да, — отвѣтилъ онъ, — это очень мило . . .

Вѣроятно, въ другое время такой отвѣтъ показался бы мнѣ возмутительно глупымъ. « Очень мило » произведеніе, считающееся однимъ изъ перловъ литературы! Но тутъ я подумалъ, что, пожалуй, онъ совершенно правъ въ своей снисходительной небрежности къ этимъ перламъ. Какъ смѣшно преувеличиваютъ люди, принадлежащіе къ крохотному литературному мірку, ихъ значеніе для той обыденной жизни, которой живетъ огромный

человѣческой міръ, справедливо знающій только Библию, Коранъ, Веды!

За что, зачѣмъ? Вотъ для тѣхъ арабовъ, которыхъ мы встрѣтили давеча, — ахъ, до чего непохожа ихъ барка на яхту Мопассана! — не существуетъ этого вопроса. Они знаютъ одно — древнюю «покорность Вожатому», Тому, Кто говоритъ о себѣ въ Коранѣ: «Мы къ человѣку ближе, чѣмъ его сонная жила.»

Ночью.

Зажегъ настольную лампу, — какъ успокоительно освѣщаетъ она сквозь свой зеленый колпакъ каюту! — сѣлъ за столъ и чувствую: медленно уходитъ, ползетъ столъ изъ подъ руки, осѣдаетъ, погружается полъ въ бездонную силу, волнующуюся подо мной, косо клонятся стѣны, размахивается дверная занавѣска...

Въ девять былъ на носу. Очень сильный и необыкновенно пріятный вѣтеръ навстрѣчу, такой сильный, что рябитъ въ глазахъ, когда смотришь впередъ. Море впереди совсѣмъ черное, небо очень чисто и совсѣмъ пусто, и опять низко стоитъ въ немъ и кровью переливается большая жуткая звѣзда. Далекъ сзади, за кормой, — конечно разлитъ по зыби розоватый блескъ луны, золотой ломоть которой почти лежитъ на водѣ лодочкой.

Въ десять съ половиной опять ходилъ туда-же, и опять глядѣлъ назадъ. Луна меркнетъ, умираетъ, картина пріобрѣла трагическій характеръ. Мимо бортовъ горами несутся маслянисто-черныя волны, взвиваются гребнями свѣтящейся зеленой пѣны. А тамъ, далеко вдали за кормой, красно-золотой и уже густой и тусклый блескъ, разлитый по морю, весь изрытъ черными ухабами и весь движется, какъ-бы кишитъ какими-то живыми существами, ночными морскими чудищами...

Сейчасъ качаетъ такъ, что писать уже трудно. Лягу, и будетъ всю ночь баюкать меня, какъ въ колыбели.
«Мы къ человѣку ближе, чѣмъ его сонная жила...»

22 февраля.

И вчера и нынче ослѣпительно солнечно, но такой вѣтеръ, такой свистъ въ снастяхъ и такая крупная зыбь, что ни стоять, ни ходить. Завтракали, обѣдали не безъ труда, хотя особенно весело. Нашъ кривоногій бой проявилъ чудеса китайской ловкости, въ присядку носясь изъ кухни въ столовую и обратно съ кушаньями и съ посудой.

Нынче, однако, уже тише. Къ ночи, говорятъ, все опять придетъ въ полный порядокъ.

23 февраля.

Да, опять все какъ слѣдуетъ.

И опять радостное и жаркое солнце, тишина, корабельная чистота, всѣ двери, окна раскрыты и все пусто, — всѣ на работѣ, по своимъ мѣстамъ, — и мы совсѣмъ одни, точно и впрямь на своей собственной яхтѣ. И все утро поютъ матросы. Какая грусть! И какое сладкое счастье — это солнечное тихое утро, это наше одиночество, этотъ отъ вѣка и до скончанія временъ свѣтоносный оксанъ и эта пѣсня, то есть жизнь, душа какой-то далекой, намъ невѣдомой страны, — Бретани, Вандеи, Прованса? — со всей своей французской стариной, исторіей, со всѣми своими преданіями и особенностями быта, нравовъ, то есть со всѣмъ тѣмъ своимъ особеннымъ, въ чемъ священная поэзія cadaго народа . . .

Все утро идемъ мимо Гвардафуя : далекій берегъ коричневатого цвѣта и полосы желтѣющихъ у моря песковъ. Страшное мѣсто, славное въ лѣтописяхъ кораблекрушеній. Но такой прекрасный день, что этому какъ-то не вѣрится.

Впереди били какіе-то фонтаны. Капитанъ сказалъ, что это китъ. Потомъ прибавилъ :

— А кораблекрушения возлѣ Гвардафуя и теперь не рѣдкость. Тогда сбѣгаются туземцы, грабятъ гибнущее судно, добиваютъ тонущихъ и даже иногда ѣдятъ ихъ.

Богъ меня прости, — во мнѣ шевельнулось что-то похожее на радость. Вѣдь это опять то далекое, старинное, изъ тѣхъ путешествій, которыя съ такимъ восхищеніемъ читаль въ дѣтствѣ.

24 февраля.

Все та же прелесть однообразія.

Всѣ послѣдніе дни солнце садилось совершенно чисто. Небо передъ закатомъ было неизмѣнно золотое, сіяющее; потомъ оно краснѣло, вмѣстѣ съ краснѣющимъ солнечнымъ шаромъ, который, коснувшись горизонта, слегка вытягивался, становился огненно-багряной митрой.

Нынче весь день заходили облака, солнце припекало, какъ передъ грозой, — близится земля, Индія. Къ вечеру красота этихъ легчайшихъ, истинно эдемскихъ облаковъ, раскинувшихся въ небосклонѣ надъ предзакатнымъ солнцемъ, стала ни съ чѣмъ несравнима.

Сейчасъ уже ночь, девять часовъ Былъ на кормѣ. Тамъ пахнетъ сѣномъ, стоятъ въ загородкѣ быки. Завтра утромъ одного изъ нихъ убьютъ. Послѣдняя его ночь! Это невозможно, этому не вѣрится, но это такъ. Впрочемъ, такъ-ли? Даже въ смерть быка отказывается вѣрять сердце...

А ночь прелестная, съ мирной луной и бѣлыми облаками, съ рѣдкими и тѣмъ болѣе прелестными звѣздами среди нихъ. Совсѣмъ бы одна изъ нашихъ орловскихъ ночей, если бы не дивная игра Конопуса, этого двойника Сириуса, только ярче отливающего краснымъ блескомъ. Южный Крестъ не высоко, склоненъ вправо. И все заходятъ облака на востокъ, величавыми и почти грозными горами. Тамъ они заходили весь день и опять весь день росла качка вмѣстѣ съ ровно растущимъ муссономъ. Теперь валить уже совсѣмъ хорошо, хотя все съ той же медлительной плавностью и не мѣшая мирной прелести ночи

(той, что надъ нами, а не на восточномъ горизонтѣ, гдѣ эти бѣлыя грозныя горы).

Съ кормы я долго смотрѣлъ вправо, на югъ. Тамъ, въ свѣтломъ и совсѣмъ пустомъ небѣ, подъ Южнымъ Крестомъ, все горитъ одинокая низкая звѣзда. Какая? Надо завтра спросить моряковъ. Можетъ быть, Альфа Центавра? — Какъ плѣнительно, загадочно звучали для меня всю жизнь подобныя слова! И вотъ Богъ далъ мнѣ великое счастье видѣть все это.

— Последняя ночь быка все таки не выходитъ изъ головы. Онъ долженъ умереть, чтобы я могъ жить, продолжать видѣть эти прекрасныя ночи — и думать о его судьбѣ, дивиться ей... Всю жизнь суждено мнѣ дивиться чуть не каждую минуту, ничего не понимать и смирять себя : значить, такъ надо.

25 февраля.

Вчера, потушивъ огонь, долго лежалъ, мысленно видя тѣ облачныя горы на восточномъ горизонтѣ. Въ открытое окно, за тѣнью отъ навѣса палубы, бѣлѣла лунная ночь, въ открытую дверь доходило сладкое вѣянье вѣтра. Думалъ о тѣхъ грозахъ, которыя, по рассказамъ моряковъ, начинаются здѣсь съ апрѣля и бываютъ такъ страшны. Въ полуснѣ стало представляться что облака эти становятся все величавѣе, темнѣе, ужаснѣе и уже блещутъ зарницами... Потомъ очнулся и, не зажигая огня, записалъ :

Океанъ подъ ясною луной,
Теплой и высокой, блѣднолицей,
Льется гладкой, медленной волной,
Озаряясь жаркою зарницей.
Всходятъ горы облачныхъ громадъ :
Гавріиль, кадя небеснымъ Силамъ,
Въ темномъ оиміамѣ царскихъ вратъ
Блещетъ огнедышащимъ кадиломъ...

Нынче все также медленно и плавно поднимаетъ, слегка валить на одну сторону, потомъ на другую, еще медленно опускаетъ и опять начинаетъ все сначала. И спокойно стоятъ весь день далекія облака на сѣверо-востокѣ, надъ этой таинственной Индіей. По прежнему много скитаюсь по палубамъ или лежу, то на палубѣ, то въ пустой столовой, гдѣ жужжить и дуетъ изъ угла электрической вентиляторъ, и все читаю, читаю, бросая прочитанное за бортъ.— Жить бы такъ безъ конца!

Я даже къ консервированному молоку, которое подаютъ къ утреннему кофе, привыкъ; освѣженный послѣ жаркой постели душемъ, надѣвши все бѣлоснѣжное, чувствуя себя двадцатилѣтнимъ, сажусь за столъ съ юношеской жадностью. А въ одиннадцать другое острое удовольствие — запахи изъ кухни, завтракъ. Подаютъ вздоръ — омлетъ, что-то вродѣ зеленого луку, какое-то подобіе рагу, часто улитокъ. . . Но блещутъ стаканы, рюмки, скатерть, радуется здоровый загаръ и пикейная одежда моряковъ, красавецъ лакей, тоже весь въ бѣломъ, и сонная улыбка очень подвижного, когда надо, но вѣчно безмолвнаго кривоногаго нашего китайченка; радуется порядокъ корабельной жизни, солнце и синева океана за открытыми окнами. А тамъ чай среди дня, а тамъ и обѣдъ, завершеніе счастливаго и правильнаго трудового дня. О чемъ мы говоримъ за завтракомъ, за обѣдомъ? Трудно даже сказать, о чемъ, а всегда весело и интересно, особенно, когда моряки что-нибудь рассказываютъ.

Какъ это ни странно, капитанъ рассказываетъ отлично, лучше всѣхъ. И вообще, несмотря на свои многія непріятныя французскія черты, — какое, на примѣръ, презрѣніе ко всему, что не французское! — онъ мнѣ очень нравится: очень цѣльный человѣкъ. Нравится и то, что сидитъ онъ во главѣ стола, какъ высшій между нами, и сознавая, что онъ высшій, имѣющій надъ нами неограниченную власть. Да, конечно, неограниченную, — развѣ можетъ быть иначе въ морѣ, на кораблѣ? Въ морѣ, въ

пустынь, непрестанно чуя надъ собой высшія Силы и Власти и всю іерархію, что царить въ мірѣ, особенно ощущаешь, какое высокое чувство заключается въ подчиненіи, въ возведеніи въ нѣкій санъ подобнаго себѣ (то есть, самого же себя).

Нынче весь день летѣли лстучія рыбки. Мы идемъ, а онѣ, какъ молодые воробьи, поднимаются цѣлыми стайками, несутся плоско, прямо, и опять сыплются на воду, разбрасывая брызги вокругъ себя, и опять взрываются цѣлымъ ливнемъ и опять летятъ...

Ночь похожа на вчерашнюю.

Та звѣзда, что по ночамъ переливается кровью на горизонтѣ передъ нами, мигаетъ, цвѣтетъ и какъ будто манить, завлекаетъ все дальше въ глубь своей таинственной тропической страны, есть Слика.

Быка уже нѣтъ на свѣтѣ. Все тотъ-же плескъ, шумъ воды за кормой, все тотъ-же мирный запахъ сѣна и все та-же сладость ночного вѣтра, а его уже нѣтъ. Неужели нѣтъ? Непостижимо!

Въ каютѣ все жарче. Сплю совсѣмъ Адамомъ. Качаетъ и качаетъ то утлое, что хранить и несутъ насъ среди этихъ безконечныхъ хлябей, вѣетъ во всѣ окна и двери нѣжный воздухъ, ходитъ во всѣ стороны, отдѣляясь отъ порога, дверная занавѣска, дуетъ, жужжитъ изъ угла вентиляторъ и все таки лежишь какъ въ банѣ...

Иногда представляю себѣ себя самого, спящаго, — беспомощно, безъ мысли и сознанія лежащаго въ этой каютѣ, затеряннаго въ океанѣ. Какъ дивно, какъ страшно и какъ хорошо! Я сплю, мы всѣ спимъ, кромѣ тѣхъ двухъ-трехъ бессонныхъ, безмолвныхъ, недвижныхъ, что бдятъ за насъ тамъ, наверху, на вахтѣ, мы спимъ, а ночь, вѣчная, неизмѣнная, — все такая-же, какъ и тысячелѣтія тому назадъ! — - ночь, несказанно - прекрасная и неизвѣстно зачѣмъ сущая, сияетъ надъ океаномъ и ведетъ свои свѣтила, играющія самоцвѣтными огнями, а вѣтеръ, истинно Божіе дыханіе всего этого прелестнаго и непостижимаго

міра, вѣтъ во всѣ наши окна и двери, во всѣ наши души, такъ довѣрчиво открытыя ей, этой ночи, и всей той неземной чистотѣ, которой полно это вѣяніе...

26 февраля.

Спалъ въ каютѣ на верхней палубѣ, думалъ, что тамъ все таки не такое знойное тепло, не такая горячая духота, какъ въ нижней. Но нѣтъ, тамъ какъ будто еще жарче, за день она, вся открытая солнцу, накаляется, какъ духовая печь.

Проснулся, по обыкновенію, въ шесть, — зашуршали швабры, зашумѣла вода изъ шланговъ, — и тотчасъ-же вскочилъ. Спать въ этихъ солнечныхъ странахъ можно очень мало, и сонъ, чуть откроешь глаза, отлетаетъ мгновенно. Всегда есть надежда на что-то новое, счастливое въ начинающейся утренней жизни, тутъ-же, среди этого вѣчно-юнаго Божьяго лона, въ первозданной свѣжести океана, особенно. Отдернулъ дверную занавѣску — уже всходитъ ясное и жаркое солнце, сладокъ шумъ воды, дающій обманчивое чувство прохлады, пріятенъ видъ молодыхъ и здоровыхъ людей за работой, ихъ босыхъ ногъ, крѣпкихъ икръ и до пояса обнаженныхъ бурыхъ тѣлъ. Еще разъ здравствуй, утро! Еще разъ выкатилось могучее тропическое свѣтило, какъ выкатывалось оно въ эту минуту уже сотни тысячъ лѣтъ и снова будетъ выкатываться миллионы, когда отъ меня не останется даже пылинки!

За день муссонъ ослабѣлъ. Но качаетъ еще шире и глубже, — просто какъ на качеляхъ весь день качаешься.

Дочиталъ «На водѣ». — «J'ai vu de l'eau, du soleil, des nuages, je ne puis raconter autre chose...». Къ сожалѣнію, все таки рассказалъ кое-что, что не нужно было рассказывать, не могъ не соблюсти тѣхъ интересовъ, которыми обладаетъ французскій читатель вообще и въ частности тотъ

свѣтскій кругъ, который автору хотѣлось бы презирать, но принадлежность къ которому ему все таки пріятна.

Дочитавъ, бросилъ книгу за бортъ. Поднялся на верхнюю палубу, потомъ еще выше, на крышу капитанской рубки, стоялъ и качался вмѣстѣ со всѣмъ парходомъ, который былъ весь подо мною и весь виденъ, отъ бугшприта до кормы, со всѣми своими мачтами, снастями и тяжелой черной трубой, ея круглотою и тяжестью, ея чуть дымящей пастью. Все это поднималось, опускалось, косо валилось то туда, то сюда. Куда забросило меня! Я подъ экваторомъ!

Сейчасъ пять. Океанъ все болѣе штильѣтъ, — та зыбь, что качаетъ насъ, мертвая, — и принимаетъ ровный нѣжно-синій тонъ. И уже есть кое-гдѣ вдали поля свѣтло-стальной глади.

Ночью.

Солнце нынче опускалось въ ослѣпляющій золотой блескъ. Океанъ все штильѣлъ. Всюду вокругъ насъ, по матово-стальнымъ медленно перекатывающимся волнамъ, тоже текло, переливалось, блистало золото.

Мы поднялись съ верхней палубы еще выше, на мостикъ. Океанъ за это мгновеніе сталъ уже весь млечно-стальной, съ голубымъ налетомъ, и по этой безграничной млечности пошли отъ заката (ставшаго менѣе слѣпящимъ, оранжево-золотымъ) оранжевые глянца, межъ тѣмъ какъ небо на востокъ стало гелиотроповымъ, а вдоль бортовъ медлительно изгибались, какъ черно-синіе удавы, длинные валы.

Мы послѣдили подняться на самую высшую точку, на капитанскую рубку : солнце успѣло уже скрыться, восточное небо стало фіолетовымъ, а западное позеленѣло и пошло по зеленому огненно-оранжевыми полосами, надъ нами-же, въ бездонной глубинѣ, ткани облаковъ, легчай-

шія, какъ дамасскій газъ, окрасились въ нѣжно-малиновый цвѣтъ.

А черезъ мгновеніе все опять измѣнилось : восточный небосклонъ сталъ сине-лиловый, море подъ нимъ — густо-фіолетовое. И все огненнѣе разгорались полосы на небосклонѣ закатномъ. Когда-же, съ быстро набѣгающимъ вечеромъ, превратилось въ фіолетовое и западное море, эти полосы раскалились, какъ темно-рдяное желѣзо въ горнѣ. Темнѣло все быстрѣе, надъ закатомъ сверкнула первая звѣзда. Непримѣтная и маленькая луна, все время бѣлѣвшая очень высоко надъ нами, стала оживать. Мы простояли еще нѣсколько минутъ и побѣжали внизъ на звонокъ къ обѣду: она уже сіяла! Вдоль бортовъ потекло блестящее серебро, на палубѣ обозначились въ лунномъ свѣтѣ тѣни отъ снастей... И уже потянуло съ востока бризомъ.

За обѣдомъ всѣ говорили, что видѣли при закатѣ знаменитый зеленый лучъ. Какъ, когда-то, въ дѣтствѣ, плѣнялъ онъ мое воображеніе! Увы, я его не видѣлъ.

А потомъ опять безъ конца ходилъ по верхней палубѣ, наслаждаясь даже хрустѣніемъ подъ ногами угольной пыли, невидимо сыплющейся изъ жерла трубы. И опять — какая ночь! Ни единого облачка. Луна надъ самой головой, такъ высоко, что нигдѣ въ морѣ нѣтъ отъ нея отблеска. И такая яркая блѣдность чехловъ на шлюпкахъ, точно они серебряно-мѣловые. Опять вѣтеръ съ востока, звѣзды чисты. Мѣрно и крѣпко бьется стальное сердце «Юнана» гдѣ-то въ глубинѣ, мѣрно шагаю въ ладъ ему къ бугшириту, и, мѣрно взвиваясь и падая, несутся назадъ, мимо бортовъ, холмистыя волны. И качаются и дрожатъ, дрожатъ ярко-блѣдные виндзейли (холщевыя трубы, вентиляторы изъ кочегарной), привязанные за боковыя треугольныя полотнища къ палубнымъ стойкамъ возлѣ трубы : будто какіе-то дьяволы въ саванахъ съ треугольными врозь растянутыми руками . . .

27 февраля.

Просыпался въ пять, — спалъ опять въ верхней каютѣ, — выглянулъ, поднявъ дверную занавѣску : солнца еще нѣтъ, но уже совсѣмъ день; впереди, за океаномъ, много красивыхъ облаковъ, крупныхъ, нѣжно лиловыхъ; среди нихъ нѣжно алфѣтъ востокъ.

Полдень. Сильный вѣтеръ навстрѣчу, — все отъ близости земли, какъ говорятъ моряки. Бѣлыя круглыя облака покрыли все небо, такія наши, орловскія лѣтнія! Океанъ совсѣмъ синій, въ мелкой зыби. Матросы уже готовятся «къ берегу», усиленно стираютъ свое бѣлье, — на бакѣ все увѣшено рубахами, рукавами внизъ. Вѣтеръ ихъ треплетъ, надуваетъ, — туловища съ отрубленными головами.

Закатъ, звонять къ обѣду. Океанъ сталъ бронзовый, а по бронзѣ текутъ зелено-металлическіе, съ краснымъ оттѣнкомъ переливы. Облака легкія, страшно высокія, розово-рыжія. И все мягко, мягко, дивно-нѣжно : вѣтеръ, воздухъ и всѣ краски, всѣ оттѣнки.

Опять на самомъ верху, пишу при лунномъ свѣтѣ. Все огромно : и океанъ, и небо, и все пространство между ними, и все такъ высоко : и небо, и луна, и эти кучевыя облака . . . Охъ, какъ сладокъ и силенъ вѣтеръ, какъ носить, качаетъ! Вѣтеръ, шумъ, плескъ — и я среди всего этого, въ истинномъ блаженствѣ!

Проснулся, чтобы записать :

Звѣзда пылала на горизонтѣ впереди цѣлымъ золотымъ костромъ. Я стоялъ на мостикѣ, я былъ капитанъ и ко-

мандоваль, отрывисто бросаль назадъ въ рулевую рубку, радуясь быстрому ходу :

— Такъ держать!

А въ рубкѣ были, кромѣ рулевого, отецъ и мать, давно, какъ я хорошо понималь, умершіе, но живые все таки, — я никогда не вижу ихъ во снѣ мертвыми и никогда не дивлюсь во снѣ, видя ихъ живыми. И я чувствовалъ къ нимъ необыкновенную нѣжность въ отвѣтъ на тѣ ласковыя, милыя улыбки, съ которыми они смотрѣли на меня, гордясь за меня, за мою команду, за мою отвагу. И было въ ихъ улыбкахъ и еще что-то, смутный смыслъ чего былъ, кажется, таковъ : да благословить тебя Богъ, живи, радуйся, пользуйся тѣмъ краткимъ земнымъ срокомъ, что и ты получилъ въ свой чередъ отъ Него!

28 февраля.

Все ближе земля — день облачный, съ горячимъ, припекающимъ солнцемъ, съ тѣмъ, что называется «парить». Подъ тентомъ на верхней палубѣ было жарче и душнѣе всѣхъ дней. И все больше чувствуется ненужность одежды, хотя мы и такъ ужъ почти раздѣты.

Шесть часовъ, пишу на кормѣ. Закатъ страшно далеко, равнина океана видна къ западу безъ конца. Закатъ, среди великолѣпныхъ сиреневыхъ облаковъ, весь огненно-красный, захватываетъ весь небосклонъ.

Возвращаясь съ кормы къ обѣду, ахнулъ : луна — зеленая! Посмотрѣлъ изъ столовой въ окно, выходящее на бакъ : да, зеленая! Нѣжно-зеленая, на гелиотроповомъ небѣ, среди пепельныхъ облаковъ, надъ зеленымъ блескомъ оке-

ана! И такъ качаетъ, что носъ «Юнана» лѣзетъ въ небо, а въ окно бьетъ блаженно проникающей до самой глубины души вѣтеръ. И опять все такъ нѣжно, такъ тепло, такъ ласково, такъ вѣетъ раемъ, истинно раемъ!

1 марта, ночью.

Земля, рай все ближе — всю ночь облака, всю ночь луна сіяетъ между ними, серебромъ озаряя ихъ края.

Послѣдняя ночь въ океанѣ, завтра Цейлонъ, Коломбо.

«Путь Твой въ морѣ и стезя Твоя въ водахъ великихъ и слѣды Твои невѣдомы...» И я былъ въ страшной и сладкой близости Твоей, и безгранична моя любовь къ Тебѣ и крѣпка вѣра въ родимое, отчее лоно Твое!

Вотъ я, какъ бы одинъ во всемъ мірѣ, въ послѣдній разъ мысленно преклоняю колѣни на этой свѣтлой отъ луны палубѣ. Словно нарочно разошлись облака, и радостно и мирно сіяетъ лунный ликъ въ высотѣ передо мной, а ниже, въ свѣтлой и прозрачной бездонности южнаго небосклона, тихо теплятся алмазы Южнаго Креста. Спокойнымъ и предвѣчнымъ веселіемъ веселится свѣтлая ночь Твоя. — Какъ мнѣ благодарить Тебя? Какъ мнѣ выразить мою неизрѣченную любовь къ Тебѣ?

Ив. Бунинъ.